

ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ

Шестьдесят лет тому назад.

«АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»

(Трагедия 2-й Русской Армии под Сольдау)¹⁾

Предисловие.

Согласно мобилизационному плану, наша 4-я кавалерийская дивизия;²⁾ прикрывающая мобилизацию в районе расположения VI-го арм. корпуса, а шестичасовой срок от часа получения приказа о мобилизации должна была быть приведена в полную боевую готовность. Драгуны и казаки, стоящие у самой границы, по истечении шестичасового срока, высылают развозы и разведывательные эскадроны на неприятельскую территорию... Уланы до окончания мобилизации остаются в распоряжении командира корпуса в Белостоке и несут сторожевую, охранную и разведывательную службу.

Извещение о мобилизации было получено в ночь с 18 на 19 июля 1914 г., первый час мобилизации назначался в 5 час. утра. Мобилизация прошла безукоризненно. Ровно через 6 часов, в 11 час. утра штаб дивизии, гусары, уланы и конная артиллерия двинулись переменным аллюром в направлении: крепость Осовец-Граево-Просткен (граница) к месту сосредоточения дивизии. До окончания мобилизации полк нес службу поэскадронно по охране на разных участках мобилизации. От 8 августа я начал ежедневно отмечать в своем журнале военных действий всё, чему был участником и свидетелем.

8-е августа: Получив распоряжение о прибытии к 8 августа нашего эскадрона в город Ортельсбург (Вост. Пруссия), где находился уже штаб дивизии, командир эскадрона ротмистр барон Кнорринг повел нас переменным аллюром. В 11 час. утра мы пересекли границу при солнечном затмении и около 25 километров шли по немецкому шоссе Фюрстенвальде-Валлен-Ортельсбург. Нам все яснее слышалась канонада, но не на участке VI-го корпуса, а левее на запад в направлении на Нейденбург (где должен

был находиться штаб 2-й армии) и на участках XIII-го корпуса ген. Ключева и XV-го ген. Мартоса. В Ортельсбург, где уже находился штаб полка и остальные пять эскадронов, прибыли в 20 часов.

9 августа: Дневка. К нам, в 3-й эскадрон зашел прикомандированный к штабу корпуса поручик Юра Булацель³⁾ и рассказал, что в штабе сумятица и неразбериха. Начальника штаба ген. Некрашевича нет и его заменяет неизвестный нам полковник ген. штаба, связь со штабом армии в Нейденбурге нарушена, сведения о XIII-м корпусе скупы и неопределенны, связь со штабом 1-й армии ген. Ренненкампа и его частями у стыка обеих армий не налажена, 4-я пехотная дивизия, неся большие потери под натиском превосходных сил противника, отходит. Энергичный и толковый начальник резерва ген. Нечволодов не может добиться распоряжений от потерявшего голову командира корпуса... В этот же день начальник дивизии ген. Толпыго приказал всем частям дивизии собраться к 12 часам 10 августа в полной боевой готовности на площади Ортельсбурга у памятника Бисмарку.

10-августа: 4-й драгунский полк был послан для охраны обозов, 7-я конно-арт. батарея, потерявшая при выезде на открытую позицию в бою 27-7 все орудия и свыше 60% людского и конского состава, была отправлена на переформирование в Белосток, 4-й каз. полк был придан штабу корпуса, 8-я кон.-арт. батарея была придана для боевой задачи 1-й отдельной кав. бригаде. Таким образом на площадь у памятника Бисмарку прибыли в полной боевой готовности Харьковские уланы, Мариупольские гусары (всего 12 эскадронов), конно-пулеметная и конно-саперная команды. Ген. Толпыго сразу же приказал выслать в развоз 10 улан 3-го эска-

1) Из Дневника участника боев под Сольдау Сергея Артуровича Гасбаха, офицера 4-го Уланского Харьковского полка.

2) Состав дивизии: Нач. див.-ген.-майор Толпыго, штаб в Белостоке. Полки: 4-й драг. Новотроицкий-Екатеринославский-посад Граево, 4-й ул. Харьковский, 4-й гус. Мариупольский-гор. Белосток, 4-й Донской казачий-Щучин, артиллерия 4-й конно-артил. дивизион-Белосток. Стоянки драгун и казаков в 2-3 верстах от границы. Дивизия входила в состав VI-го арм. корпуса генерала Благовещенского, штаб в Белостоке.

3) По описанию в романе Солженицына «Август 14-го» обстоятельно встречал ген. Нечволодова в Бишофсбурге с драгунским поручиком, предполагаю с полным основанием, что этим безымянным поручиком был именно Юрий Сергеевич Булацель.

дрона под моею командой.⁴) Вызвав меня, он приказал мне идти в голове дивизии на Зенсбург (60 км к С.В. от Ортельсбурга), со скоростью 8 км. в час, чтобы прибыть в Зенсбург в 19 часов. Если город не занят противником, двигаться без задержки на север. Я немедленно повел свой разъезд в указанном направлении и, пройдя 20 километров, напоролся на блокауз, обнесенный проволочной сеткой. Обстрела отсюда не было и мы, прорубив шашками проход в сетке, двинулись дальше. Пройдя еще два километра, я услышал сзади влево ружейную перестрелку, которая вскоре прекратилась. На дальнейшем нашем пути противника не обнаружили. Население встреченных деревень оставалось на местах со всем имуществом, лошадьми и скотом. По показаниям местных жителей, мелкие воинские части немцев сегодня ушли в северном направлении к Зенсбургу. Благополучно дошли мы до Зенсбурга и, подойдя к его окраине, увидели, что город освещен. Не зная, есть ли в городе противник, я начал втягиваться в него цепочкой по два улана в ряду. В городе на улицах было много жителей, которые как будто не обращали на нас внимания. Приказал уланам остановиться на площади, как вдруг подскакивает ко мне улан из головного дозора, сообразительный и расторопный разведчик: «Ваше благородие, кажись, немцы нас принимают за своих, что то радостно нас встретили, езжайте на рынок, вы же говорите по немецки, а мы будем молчать». Я мгновенно выскочил вперед и обращаясь к действительно радостно приветствовавшей меня толпе, спросил, где сейчас «наши». Получил ответ, что час тому назад последние отошли на Рэссел. Я сказал, что еду их догонять и на рысях двинулся по указанному направлению.

Пройдя километров пять, никого не встретили и остановились в хуторе, указанном мне начальником дивизии, послав в штаб дивизии улана с донесением. Утром выступили на поиски полка в Зенсбург, где нашли не только наш полк, но и штаб дивизии со всеми частями. Оказалось, что высланный после моего отбытия гусарский разъезд пошел по другой дороге и напоролся тоже на блокауз, занятый немцами. Одним из первых выстрелов круглой пулей из крупнокалиберного охотничьего ружья был ранен в грудь начальник разъезда корнет Ольшанский и заперство вынесен с места боя. Пользуясь тем, что гусары бросились поднимать раненого корнета, люди, сидевшие в блокаузе успели скрыться в лесу (кто они были — лесная стража или партизаны, не выяснено). Дивизия прибыла в Зенсбург только ночью и жители утверждали, что никаких русских частей в городе не было, а мой разъезд они приняли за немецкий. Из за этого нас считали или попавшими в ловушку и погибшими или же взятыми в плен. Остаток дня провел с командиром эскадрона, который рассказал мне, что когда начальник дивизии назначил меня в головной разъезд, кто то, может быть, в шутку, сказал: «Ваше Превосходительство! Гасбах, как никак, ведь немец. Не рискованно ли возлагать на него такое ответственное поручение на немецкой территории». Генерал ответил: «Раз русский офицер немецкого происхождения присягал русскому Царю, я смело могу питать к нему не меньшее доверие, чем к любому русскому...»

12 августа: Весь день простояли в Зенсбурге, где жизнь текла совсем по мирному, магазины, кафе, рестораны открыты. Кроме эвакуированных государственных учреждений, все жители остались на месте. Наши солдаты вели себя прекрасно. Не поступило ни одной жалобы от населения.

13 августа: Начальник дивизии приказал нашему полку под командой командира 1-й бригады ген.-майора Каандера выступить утром 13-го в направлении на Рэссел Он же сам с остальными частями пойдет в направлении на Бишофсбург. Назначенный вновь в головной разъезд, я пошел по знакомой дороге, собирая сведения о противнике. По этим сведениям, все немецкие воинские части ушли из Рэссела, куда я вошел без помехи, отправив донесение командиру бригады и вскоре наш полк вошел в город.

14 августа: В Рэсселе, как и в Зенсбурге, жизнь шла по мирному и все население осталось на местах. Наши солдаты как и раньше, сохраняли полный порядок. Получив приказание к-ра бригады собраться на площади, мы прибыли туда очень рано и офицеры зашли в близлежащее кафе, где были радушно встречены. Кельнерши нас с веселыми улыбками обслуживали и были очень довольны, что мы, платя за всё, не скупилась на «чаевые». Но наше времяпрепровождение вскоре было нарушено. Вошедший в кафе нашего же полка штаб-ротмистр Тавеман, подойдя к нашему столу, тайно сказал: «Вот вы тут сидите, как ни в чем не бывало, а немцы вошли в город. Сам видел их разъезд на вороных конях». Мы удивились, так как в нашем корпусе не было ни одного полка на вороных конях.⁵) Но все же, не делая паники, мы спокойно расплатились и направились на площадь, где стоял наш эскадрон. Подойдя к нему увидели, что мнимые «немцы» на вороных конях мирно беседуют с нашими уланами, — оказалось, что это был разъезд 1-го гусарского Сумского полка 1-й армии ген. Ренненкампа, присланные для связи со 2-й армией.

Наш отряд двинулся на запад, на Бишофсбург. По дороге наши разъезды выяснили, что крупные пехотные части противника занимают этот город. Ген. Каандер стал с отрядом биваком на берегу озера. Нетренируемые неприятелем, мы там, спешившись, но в полной боевой готовности отдыхали, лёжа под ногами лошадей, наворачив повод на руку.

15 августа: Рано утром, получив от высланных разъездов, донесение о том, что передовые части наступающей от Бишофсбурга пехоты находятся уже в 10 километрах от места нашей стоянки, ген. Каандер начал отход на юг в направлении на Валлен, где находился штаб корпуса. По дороге наш 6-й эскадрон взял в плен немецкого кирасира, ехавшего с донесением. К вечеру добрались до Валлена.

16 августа: Дневка.

17 августа: Положение на фронте 2-й армии критическое. После успешных действий XV-го корпуса ген. Мартоса, взявшего много пленных, орудий, пулеметов и военного снаряжения, вследствие прорыва немцами фронта на участках соседних корпусов (Клюева, Артамонова и Благоевского) начался беспорядочный отход к границе. Управление войсками расстроилось, связь между корпусами нарушена. В штабе нашего VI-го корпуса полная растерянность. Нейденбург, где помещался штаб армии, занят немцами и где находится командующий выехавший на участок XV-го корпуса, неизвестно. Штаб корпуса решает послать разъезд особого назна-

4) Назначение меня начальником разъезда лично начальником дивизии объяснялось тем, что он лично знал меня и ему было известно, что я одинаково хорошо владею русским, немецким и польским языками и хорошо знаю пограничный район.

5) В полках армейской кавалерии только нечетные гусарские полки имели конский состав вороной масти, четные же — серой масти.

чения на поиски штаба 2-й армии от нашего полка. В разъезд был назначен взвод 2-го эскадрона под командой корнета фон-Ланга. Одновременно командир полка приказал мне, взяв с собой только моего вестового, прибыть в штаб корпуса и присоединиться к разъезду фон Ланга, как владеющему немецким языком.

Быстро собравшись в путь, я с вестовым прибыл в штаб корпуса в деревню Валлен. Оказалось, что штаб корпуса, зная определенно, что Нейденбург в руках противника, предполагает, что штаб армии скорее всего отходит на Вилленбург и разъезду посоветовали начать поиски оттуда. Намечая с фон Лангом по карте путь следования в Вилленбург, мы, имея сведения, что корпусный резерв находится в настоящее время в дер. Боркенхейден, решили двинуться сперва туда, зная, что от энергичного ген. Нечволодова мы можем получить дальнейшие инструкции. В 15 часов мы достигли расположения резерва. То, что мы увидели, выйдя на тракт и идя им, произвело на нас потрясающее впечатление. Обочины дороги были усеяны брошенными обозными повозками, фургонами, двуколками, лазаретными линейками, обывательскими подводами, телегами, бричками и разного рода предметами, никакого отношения к воинским частям неимеющим. Павшие и загнанные лошади, бродившие по дороге, да несколько обозных солдат доводили удручающую картину. По всему было видно, что эта бегущая волна прокатилась совсем недавно.

Войдя в деревню, мы увидели группу солдат и среди них генерала Нечволодова, видимо балагурившего с ними, т.к. вид у них был веселый и бодрый. Мы доложили генералу о назначении нашей поездки, на что он сразу ответил, что в направлении на Вилленбург нам искать штаб армии нечего и, по его мнению, надо считать отход штаба армии на Остроленку, где он был первоначально размещен и где остались все его тыловые учреждения. Подчиняясь указанию ген. Нечволодова, мы двинулись проселочными дорогами и лесными тропами на юг, ориентируясь по компасу. Границу пересекли у дер. Пупель и около 20 час. встретили офицера-лётчика, состоявшего при штабе армии, кото-

рый сообщил нам, что штаб армии действительно переходит в Остроленку и что последняя часть штаба, квартирмейстерская, во главе с нач-ком штаба ген. Постовским с его конвоем проследовала туда часа три тому назад. Одновременно, лётчик с грустью сообщил нам, что генерала Самсонова нет живых, но где и как он погиб, неизвестно. Мы двинулись дальше на Остроленку.

18 августа: Продолжая двигаться глубокой ночью, около 2 часов мы подошли к деревне Худек и там, втянувшись в неё, увидели стоящих лошадей и при них конвойца в кавказской бурке, который провел нас в хату, где остановился ген. Постовский. В хате была полная темнота и, засветив наши ручные электрические фонари, мы увидели на голом полу вповалку лежащих спящих людей. Первым пробудившимся был начальник штаба армии ген. Постовский. Выслушав рапорт, он усталым голосом сказал: «Генерала Самсонова нет в живых! Можете передать пакет мне». При тусклом свете свечи генерал углубился в чтение донесения и, закончив его, сказал, что мы можем возвращаться в штаб корпуса и никаких распоряжений не будет.

Найдя в небольшом расстоянии от хаты место, где бы усталые люди и лошади могли отдохнуть, мы в 15 часов тронулись в обратный путь. Движение на тракте было большим чем вчера, но не было заметно ни растерянности, ни бегства: люди и повозки шли в порядке. Не доходя до Мышинеца, с наступлением темноты, мы заночевали в придорожной деревне.

19 августа: Утром двинулись к Мышинецу и там узнали, что штаб корпуса и части кавалерии прошли через Мышинец и проследовали дальше Остроленским трактом. Дальше мы узнали, что штаб корпуса находится в деревне Кадзидло, куда разъезд и прибыл, доставив извещение о кончине генерала Самсонова.

С. Гасбах

ТРАГЕДИЯ 2-Й УДАРНОЙ АРМИИ

(Окончание. См. № 577)

ХОЗИН сообщал дальше, что 21 апреля ему устно (!-) было приказано «разработать план вывода 2-й ударной армии из мешка, в котором она в это время оказалась».⁽³⁴⁾ Однако директору Ставки на вывод этой армии он получил только 21 мая.⁽³⁵⁾ (ЖИЛИНУ, как историку, следовало бы это знать.) Таким образом, совсем по непонятным причинам армия ВЛАСОВА целый месяц, в разгул весеннего половодья, должна была оставаться в болотах любанской «бутыли». Снабжение ее было скудным, поскольку теперь шло через Ленинградский фронт, который сам голодал.

«Солдаты, черные от болотной грязи, от копти, с глазами, воспаленными многодневной бессонницей, лежали на зыбкой земле... Они давно уже не получали ни хлеба, ни сухарей, ели крапиву, кору молодого осинника. А кругом стояли непроходимые топи, нельзя было вырыть даже ямки, чтобы укрыться от пуль и осколков, — окопы сразу затачивало тиной, заливало водой. Люди превратились в скелеты от голода, бессонных ночей и нечеловеческого напряжения»⁽³⁶⁾.

Во исполнение соответствующей директивы фронта 2-я ударная армия 24 мая начала отход.

часть ее сил стала стягиваться в исходный район севернее Новой Керести для удара навстречу 59-й армии (чтобы расширить горловину «бутыли»). Встречный удар 59-й и 2-й ударной армий был назначен ХОЗИНЫМ на 5 июня. Однако немцы, заметив отход, 30 мая перешли в наступление с целью перерезать узкий проход между 59-й и 2-й ударной армиями. 5 июня в 2 часа ночи ударные группы 59-й и 2-й ударной армий в свою очередь перешли в наступление. Ударная группа 59-й армии, продвинувшись вперед, к 12 часам дня вышла на восточный берег реки Полисть. Но ударная группа 2-й ударной армии своей задачи не выполнила. Противник своим наступлением внес дезорганизацию в ее ряды, поставил под угрозу окружения.

Бывший начальник артиллерии 2-й ударной армии генерал полковник артиллерии Г. Е. ДЕГТЯРЕВ так описывает условия, в которых проходило это наступление:

«На этот раз главные усилия армий сосредоточивались в направлении Любяно Поле — Мясной Бор. Данные разведки свидетельствовали о том, что войска противника здесь относительно немногочисленны и прорвать его обо-

(34) М. Хозин, цитированное, стр. 40.

(35) Там же, стр. 42.

(36) Юр. Корольков, цитированное, стр. 125-126.